

**«БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ» А. ПЛАТОНОВА:
ТАМБОВ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ**

© **Наталья Васильевна КОРНИЕНКО**

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
г. Москва, Российская Федерация, член-корреспондент РАН,
доктор филологических наук, профессор, зав. Отделом новейшей
русской литературы и литературы русского зарубежья,
e-mail: nataalkornienko@yandex.ru

Посвящено тамбовскому периоду жизни и творчества А.П. Платонова: вводятся новые архивные материалы, проясняющие обстоятельства четырехмесячной «командировки» А.П. Платонова в Тамбов, отношения с инженерами Губернского земельного управления, с местными профсоюзными инстанциями. Впервые представлены материалы дискуссии, которые вызвала статья А.П. Платонова «О дешевом водном транспорте Черноземного края», опубликованная на страницах «Тамбовской правды». Доказывается, что эта дискуссия не только освещает работу над исторической повестью «Епифанские шлюзы», но и становится предметом рефлексии в «Городе Градове». Указывая на пушкинские подтексты писем А.П. Платонова из Тамбова, доказывается, что эстетика произведений, написанных А.П. Платоновым в Тамбове, ориентирована на пушкинский текст Болдинского периода.

Ключевые слова: А.П. Платонов; г. Тамбов; служба; А.С. Пушкин; Губернское земельное управление; Наркомат земледелия; поэтика; биография; повести; письма.

Сегодня мы уже значительно больше знаем о тамбовском периоде жизни А.П. Платонова. Опубликованы уникальные документальные материалы из личного дела А.П. Платонова в Тамбовском губернском земельном управлении (ГЗУ); восстановлены по оригиналам ранее известные в извлечениях письма писателя жене этого периода; расширился круг общения А.П. Платонова в Тамбове; в главной тамбовской газете («Тамбовская правда») выявлены две его публикации, информация о выступлении на губернском совещании специалистов, разнообразные источники к комментарию написанных в Тамбове произведений... Письма позволили уточнить дату приезда А.П. Платонова в Тамбов – 8 декабря 1926 г., архив Тамбовского ГЗУ – дату об освобождении «г. Платонова» от должности заведующего подотделом мелиорации: 17 марта 1927 г. [1, с. 165; 2, с. 168]. Накопление источниковедческого материала (необходимость продолжения данной работы не вызывает сомнения) актуализирует потребность историко-литературного осмысления тамбовского периода в биографии писателя. Некоторые размышления к обоим исследовательским направлениям и предложены в нашей статье.

Конец 1926–1927 гг. – время резкого поворота в биографии А.П. Платонова. До того вполне успешный воронежский инженер и мелиоратор, чьи работы высоко оценивались

Наркоматом земледелия (НКЗ), выбранный в состав ЦК Союза лесных работ на Первом Всесоюзном мелиоративном совещании (февраль 1926), после переезда с семьей в Москву (июнь 1926) и нескольких недель службы без каких-либо объяснений увольняется с работы и оказывается безработным. К тому же, семья должна была освободить служебную комнату. Начинаются поиски работы и многомесячная тяжба с руководством союза за право семьи проживать в Центральном доме специалистов (ЦДС).

Осенью 1926 г. помощь приходит к А.П. Платонову из нелитературной среды – от инженеров Наркомзема. 21 октября 1926 г. А.П. Платонова принимают на должность инженера-гидротехника отдела мелиорации и водного хозяйства НКЗ и уже в ноябре предлагают новое место службы – Тамбовское ГЗУ, где сложилась критическая ситуация с выполнением государственного плана восстановления сельского хозяйства, особенно в области мелиорации. В октябре НКЗ проводил проверку состояния мелиоративных работ в Тамбовской губернии. А.П. Платонов явно был ознакомлен с результатами этой проверки – докладом инспектора НКЗ по Отделу мелиорации и водного хозяйства А.Г. Иванова, в котором констатировалось «неудовлетворительное выполнение плана мелиоративных работ в 1925–1926 г.»: неуклопектованность штата, «ничтожность %

общего выполнения к плановым заданиям», «незначительность выполнения работ и в то же время сравнительно более высокий % расходования денежных средств», неконтролируемость работы в уездах и распределения средств, отсутствие внятной отчетной документации и т. п. [3, л. 4-6]. О сложившейся ситуации в Тамбовском ГЗУ А.П. Платонов, скорее всего, знал и раньше: на мелиоративные совещания в Воронеже, которые он проводил, приезжали из Тамбова руководители разных подразделений губернского ГЗУ. Он был знаком с заведующим подотделом мелиорации Тамбовского ГЗУ инженером Алексеем Яковлевичем Барабановым, и их отношения, как свидетельствуют первые письма А.П. Платонова из Тамбова, были дружескими: первый день по приезду в Тамбов А.П. Платонов живет у А.Я. Барабанова и вместе с его супругой Анной Францевной занимается поиском жилья [1, с. 170]. А.Я. Барабанов еще 13 сентября 1926 г. подал «рапорт» с просьбой об освобождении его от занимаемой должности (по состоянию здоровья – туберкулез), описав ситуацию, в которой ему приходилось заведовать подотделом мелиорации: «Ввиду крайне большого недокомплекта в штате аппарата не хватает 4-х инженеров из 7-ми, а оперативный штат до сего времени не заполнен на 45 %, на заведующего п/отделом в первую очередь ложится вся тяжесть такового ненормального состояния п/отдела и требует от него чрезвычайно напряженной и нервной работы при постоянной перегрузке...» [4, л. 90]. Не исключено, что и А.П. Платонова приняли в НКЗ с расчетом на решение критической ситуации с мелиорацией в Тамбовской губернии. С 19 по 28 ноября А.Я. Барабанов находился в командировке в Москве в НКЗ – для закупки инструментов и «приглашения техперсонала на службу» и, очевидно, общался с А.П. Платоновым и рассказал тому об общей ситуации в Тамбовском ГЗУ [4, л. 53]. А.П. Платонов принимает предложение о новой службе в Тамбове, прекрасно понимая, с одной стороны, что на него возлагаются большие надежды (за ним – успешное проведение общественно-мелиоративных работ в Воронежской губернии и знание ситуации в Тамбове), а с другой – что никаких гарантий для повторения успеха воронежских работ у него нет. Об этом свидетельствует его пись-

мо от 2 декабря в Оргкомитет ЦДС с просьбой оставить за его женой и сыном комнату:

«Наркомзем, куда я поступил на службу, предложил мне длительную командировку в Тамбовскую губернию – для организации в ней работ по мелиорации, торфодобытанию и сельскому огнестойкому строительству в связи с восстановлением сельского хозяйства и борьбой с засухой.

Положение в Тамбовской губернии, действительно, таково, что отказываться ехать было невозможно по многим причинам, из которых желание получить работу играло наименьшую роль. С другой стороны, обстановка в Тамбовском ГЗУ (насколько я ее знал) не предвещала успеха тем реформам и реорганизации дела, которые я намерен там осуществить. Не исключена возможность того, что я там не сработаю, несмотря на гарантированную мне поддержку НКЗема и одобрение предложенного мною способа постановки дела мелиоративного дела в Тамбов<ской> губ<ернии>. Путешествовать же по стране с семьей я не имею ни желания, ни средств, ни права нарушать жизнь своих близких. Однажды ошибившись (не по своей, правда, вине), я на вторую подобную ошибку идти не могу» [1, с. 164].

7 декабря 1926 г. А.П. Платонов уезжает в Тамбов, 8-го – принимает «дела и имущество п/отдела» [2, с. 164-165]. 9 и 10 декабря он присутствует на заседании ГЗУ по подготовке первого после 1917 г. совещания специалистов сельского хозяйства и на открывшейся 6 декабря 4-й сессии губисполкома, на которой обсуждался доклад заведующего Тамбовского ГЗУ по итогам «восстановительных мероприятий» в сельском хозяйстве губернии. Ничего оптимистического он не услышал. В курируемой им области мелиорации итоги были самыми удручающими: план по мелиорации выполнен на 50 %, что объяснялось неполным штатом мелиораторов и распылением государственных кредитов. В связи с провалом мелиоративного плана контрольным инстанциям рекомендовалось обратить внимание на проверку расходования средств на мелиорацию, а ГЗУ – добиться пополнения штата специалистами [5, с. 2]. В письме к Марии Александровне от 10 декабря А.П. Платонов описывал первые впечатления от встречи в ГЗУ так: «С утра, как приехал, до вечера познакомился с там-

бовским начальством. Был на конференции специалистов, а вечером на сессии Губисполкома. Обстановка для работ кошмарная. Склока и интриги страшные. Я увидел совершенно неслыханные вещи. Меня тут уже ждали и великолепно знают, и начинают немножко ковырять. (Получает-де «огромную» ставку, московская «знаменитость»!). На это один местный коммунист заявил, что советская власть ничего не пожалеет для хорошей головы. Во как, Машка! Я не преувеличиваю. <...> Мелиоративный штат распущен, есть форменные кретины и доносчики. Хорошие специалисты беспомощны и задерганы. От меня ждут чудес. Попробую поставить работу на здоровые ясные основания, поведу все каменной рукой и без всякой пощады» [1, с. 169]. Месячный оклад А.П. Платонову был назначен действительно значительно выше всероссийского – 200 руб. и приближался к самым высоким (Московская губерния); максимальный оклад заведующего подотделом мелиорации по России в 1926 г. составлял 150 руб. [2, с. 165; 6, с. 21]. В Тамбове А.П. Платонова знали как успешного мелиоратора соседней губернии и были осведомлены о его «знаменитом» по своей скандальности увольнении из ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР. За две недели до его приезда Тамбов посетили руководители секции землеустроителей ЦК Союза; обследовалась работа и быт тамбовской секции, главное внимание было обращено на взаимоотношения губбюро секции с подотделами землеустройства и мелиорации. Представители землеустроительной секции ЦК Союза присутствовали и на губернском совещании специалистов сельского и лесного хозяйства, которое открылось 15 декабря и продлилось шесть дней. А.П. Платонов принимал самое активное участие в работе совещания, руководил секцией мелиорации, 18 декабря выступал в прениях по докладом [7, с. 2].

Уже на третий день пребывания в Тамбове он посещает редакцию главной губернской газеты «Тамбовская правда». И если первая публикация – статья «О дешевом водном пути Черноземного края» – была перепечаткой из московских «Известий», где статья впервые была напечатана 17 июня 1926 г., то вторая – «Значение торфа, как топлива, для Тамбовской губернии» – посвящена жизненно важным мелиоративным вопросам Тамбовской губернии и выполнена с

использованием статистических данных по состоянию торфяных болот в уездах губернии [8, с. 2; 9, с. 2].

С первых дней службы А.П. Платонову пришлось решать накопившиеся в последние годы вопросы мелиорации. Готовить не только план работы подотдела мелиорации на новый год, но и отчет за прошедший, в связи с чем он чуть не получил выговор. Остро стояли кадровые вопросы. Через НКЗ, куда А.П. Платонов выезжает в январе, он добивается объявления конкурса на занятие вакантной должности инженера-гидротехника в Тамбовском ГЗУ, принимает на работу новых сотрудников [10, с. 83]. Учítывая, что во всех документах по проверке подотдела мелиорации говорилось об отсутствии контроля за выполнением работ, он убеждает руководство ГЗУ в необходимости открыть в подотделе должность губернского инспектора мелиоративных работ и пригласить человека, на которого он мог положиться. Этим человеком окажется один из лучших инженеров-мелиораторов Воронежского ГЗУ Сергей Евгеньевич Протасевич, в это время мелиоратор Нижнедевицкого уезда, выступавший содокладчиком А.П. Платонова на Воронежском мелиоративном совещании в июле 1925 г. [11, с. 197, 205]. 4 января вместе с руководством ГЗУ А.П. Платонов подписывает телеграмму С.Е. Протасевичу с приглашением занять должность инспектора [12, л. 83].

Не менее острой для губмелиоратора А.П. Платонова была проблема связей подотдела с уездами. По собственной работе в Воронежском ГЗУ А.П. Платонов прекрасно понимал, что успех мелиоративных работ напрямую зависит от постановки дел в уездах. Судя по документам Тамбовского ГЗУ, сотрудники подотдела мелиорации редко выезжали в уезды, последние командировки в уезды бывшего заведующего А.Я. Барабанова датируются 1924 г. [4, л. 12-13об.]. О последствиях подобной постановки работы А.П. Платонов напишет в докладной записке от 29 января: «Не практиковавшиеся до сих пор выезды и живая связь руководителей работ в уезды и деревни имели пагубное влияние на работы, – в пределах отпущенных средств и целесообразности, в этом году выезды губ. специалистов по мелиорации должны иметь место». В этой же докладной он пишет о необходимости его поездки в Козловский и Кирсановский уезды – «для выяснения степени подготовленности уездов

к строительной кампании 1927 г., проверки действительности и целесообразности наших новых инструкций, осмотра работ, проверки технического персонала, выяснения и разрешения на месте всех недоумений и противоречий и т. п.» [2, с. 165; 13, л. 4]. В командировку по уездам А.П. Платонов выехал 2 февраля, а вернулся, скорее всего, 11, а не 12 февраля, как указано в его «рапорте» [2, с. 166].

Пока А.П. Платонов был в командировке, пришло согласие С.Е. Протасевича занять предлагаемую ему должность инспектора мелиоративных работ [12, л. 79]. Приложенное к его письму «краткое *cuniculum vi tae*», казалось бы, не оставляло сомнений в поддержке предложенной А.П. Платоновым кандидатуры инженера С.Е. Протасевича: Нижегородское среднее механико-техническое училище, Варшавский политехнический институт; на практической работе с 1913 г., служил в Нижегородском управлении Земледелия в должности гидротехника (производил работы по осушению болот, устройству плотин, планировке лугов, всевозможным изысканиям и составлению проектов, смет), в Запорожском губернском земельном отделе на должности гидротехника; с открытием общественно-мелиоративных работ был приглашен на службу в Воронежское губземуправление, где занимал должность уездного мелиоратора и производителя работ по Нижнедевицкому уезду, успешно руководил и провел всю кампанию общественных работ, заключающиеся в сооружении многих десятков плотин (прудов), колодцев, дорожных дамб, мостов и т. п. [12, л. 80-82]. 11 февраля А.П. Платонов проставляет на письме С.Е. Протасевича свою визу: «В секцию 3-лей. Просьба согласовать прием инж. Протасевича на должность губ. инспектора работ. Губ. мел-ор А. Платонов» [12, л. 79]. Отправляя все документы в местную секцию землеустроителей, которая курировалась московским ЦК Союза, А.П. Платонов, очевидно, даже не предполагал, что его кандидатура не будет поддержана. 11 декабря датируются еще два документа, на которых имеется подпись А.П. Платонова. Телеграмма С.Е. Протасевичу: «Подтверждаем согласие на должность инспектора условиях нашего 26266 <номер письма-приглашения от 4 января> приезд первого марта» [12, л. 74], и ответная

телеграмма С.Е. Протасевича на имя А.П. Платонова: «Согласен. Выезжаю Зенкевичу хлопотать. Результаты телеграфирую. Протасевич» [12, л. 75], на которой А.П. Платоновым проставлена дата «11/П» и сделана запись: «А.Я. Барабанову». Официально А.П. Платонов вернулся из командировки 12 февраля, поэтому он, очевидно, доверил именно инженеру А.Я. Барабанову провести официальное согласование кандидатуры С.Е. Протасевича в профсоюзной секции землеустроителей. О том, что согласования не получилось, свидетельствует документ, также датированный 11 февраля. Это решение секции землеустроителей на бланке с печатью Всеработземлеса: «В Губземуправление. Возвращая при сем переписку о приглашении на службу тов. Протасевича, Губотдел союза не находит возможным согласовать прием его на должность инспектора работ, в принципе не возражая против открытия этой должности при П/о Мелиорации» [12, л. 76]. Из пометы на этом документе – «Получено 22/П» – следует, что бумага лишь зафиксировала итог переговоров А.Я. Барабанова с руководством секции землеустроителей, состоявшихся 11 февраля. О том, что неутешительный итог был доложен А.П. Платонову до получения официальной бумаги, свидетельствует и телеграмма, отправленная им С.Е. Протасевичу в Нижнедевицк 14 февраля: «Не выезжайте. Служите Воронежской. Подробности письмом. Платонов» [12, л. 73].

Это было самое крупное поражение для А.П. Платонова как губернского мелиоратора, о чем он напишет в письме жене 15 февраля: «Здесь дошло до того, что мне делают прямые угрозы. Я не люблю тебе об этом писать и пишу коротко. <...> Но все же скажу, что служить здесь никак нельзя. Правда на моей стороне, но я один, а моих противников – легион, и все они меж собой кумовья (Тамбов – гоголевская провинция). И это чепуха, но я просто не хочу связываться и тратить попусту силы. А я и так их здесь потратил много. Меня, конечно, отсюда ГЗУ пускать не будет. НКЗ будет всячески протестовать и гнать меня обратно. Но я уже решил. Здесь просто опасно служить. Воспользуются каким-нибудь моим случайным техническим промахом и поведут против меня такую кампанию, что погубят меня. Просто задавят грубым количеством. Сегодня было у

меня огромное сражение с противниками дела и здравого смысла. И я, знаешь, услышал такую фразу, обращенную ко мне: «Платонов, тебе это даром не пройдет. Нам дома стены помогают» [1, с. 218-219]. Руководство ГЗУ еще боролось за приглашение С.Е. Протасевича, однако тот все-таки в большей степени доверял А.П. Платонову и в Тамбов не поехал. Эта история, напрямую связанная с отношениями А.П. Платонова с ЦК Союза и его скандальным увольнением из головной профсоюзной организации, фигурирует и в официальном объяснении А.П. Платонова причины его отъезда из Тамбова (письмо от августа 1927 г.): «В Тамбове обстановка была настолько тяжелая, что я, пробившись около 4 месяцев, попросил освободить меня от работы, т. к. не верил в успех работ, за которые я отвечал, но организация которых от меня мало зависела. Это было расценено чуть не как саботаж. А между тем мешала всему делу как раз Тамбовская секция землеустроителей (при ГО профсоюза). Об этой секции великолепно знал ЦК. Он посылал туда для обследования своих людей. Ответственный секретарь секции за что-то был отдан под суд и т. д. Но все фактически оставалось по-прежнему. Тамбовские инженеры-мелиораторы, с которыми я работал, вполне разделяли мою точку зрения, разделял ее и НКЗем. Но я бился, как окровавленный кулак, и, измучившись, уехал, предпочитая быть безработным в Москве, чем провалиться в Тамбове на работах и смазать свою репутацию работника, с таким трудом нажитую» [1, с. 246].

В феврале и начале марта А.П. Платонов выезжает в Москву для решения в НКЗ вопросов отпуска денежных средств на огнестойкое строительство, принимает участие в мелиоративном совещании в Курске, направляет в командировку в Козловский и Кирсановский уезды сотрудника подотдела, техника по огнестойкому строительству Ивана Васильевича Шмакова. Иван Васильевич вернется из командировки, когда А.П. Платонов уже сдаст дела подотдела. Однако А.П. Платонов не забудет своего сотрудника и отдаст его фамилию главному герою «Записок командированного» (подзаголовок рассказа «Город Градов»). Уже в начале марта А.П. Платонов ставит вопрос об увольнении. 17 марта он передал дела своему приемнику; приказ об освобождении от занимаемой им

должности подписан 23 марта [2, с. 168]. Командировка в Тамбов закончилась.

«Платонов ехал в Тамбов как инженер, но вернулся он в Москву как писатель» [14, с. 82]. В Тамбове его ждала тяжелейшая производственная работа и колоссальный прорыв в творчестве. Тут возник, а потом пошел нарастать тот колоссальный взрыв, выброс творческой энергии, которую, кажется, сама реальность исторгла из себя самой, предназначив для этого А.П. Платонова. Обрекая его на эту миссию, миссию летописца русской жизни. Он принял ее как удел – со смирением. И тогда горизонты видения разомкнулись, и уже больше до конца жизни это видение не знало пределов. Он составляет новую книгу стихов «Поющие думы», дорабатывает рассказы и уже 1 января 1927 г. завершает работу над первым большим эпическим произведением – повестью «Эфирный тракт». Работа над повестью идет трудно и мучительно, слишком большой круг современной исторической, политической, философской, научной, технической проблематики новой России в ней затронут. К этому времени у А.П. Платонова накопилось немало набросков на темы старого и нового быта, фантастических сюжетов, философских и научно-технических проектов – фантастика, ставшая впервые в русской литературе популярной именно в 1920-е гг., привлекала и А.П. Платонова. Привлекала не только близким ему, имеющему уже первые патенты на изобретения, новым героем – изобретателем и ученым, но и отрывавшимися в ней повествовательными возможностями: «конструировать мир по своим собственным законам», «передать новое, принципиально отличающееся от дореволюционного, мироощущение», «выстроить новую схему взаимосвязей быта, бытия и события, подчиненную воле автора, а не условиям» [15, с. 227]. Через неделю после завершения «Эфирного тракта» он приступает к работе над исторической повестью «Епифанские шлюзы», расширяя тему научно-технической модернизации России не в будущее, как в фантастической повести, а в прошлое. К 25 января работа над повестью была завершена. Эпоха Петра I и богатейшая историческая и литературная традиции осмысления петровских преобразований русской жизни открывали возможность высказаться не только о прошлом, но и об актуальном настоящем. На историю строительства епифанских шлюзов проеци-

руются у А.П. Платонова не только социально-экономические проекты, широко обсуждаемые на рубеже 1926 и 1927 г. (строительство Волго-Дон канала, Днепрогэса), но и уникальный собственный производственный и инженерный опыт. Рукопись «Епифанских шлюзов» почти не имеет правки и выполнена, как признавался сам А.П. Платонов в письме к жене от 25 января 1927 г., «славянской вязью – тягучим слогом» [1, с. 198]. В отличие от стилиевой разнородности фантастической повести, стиль «Епифанских шлюзов» эпически ровен, всепроникающ и внутренне свободен – вопреки драматическим событиям и катастрофическому финалу героя, о которых рассказывает повесть.

В дни, когда А.П. Платонов пишет историческую повесть, на страницах «Тамбовской правды» появилась его статья «О дешевом водном пути Черноземного края» [8, с. 2]. А.П. Платонов предлагал рассмотреть «старую для Черноземного края проблему улучшения судоходных условий Верхнего Дона и главнейших его притоков» как экономическую (дешевый торговый водный путь), мелиорационно-техническую и социальную, включить этот вопрос в общий государственный план восстановления ЦЧО и «организовать, ввиду важности вопроса, в особой комиссии по ЦЧО при Госплане подкомиссию, или бюро, или группу специалистов, или еще что для полной, всесторонней и срочной проработки этого вопроса, чтобы его можно было уже в чистом виде вносить на рассмотрение куда следует и как следует» [8, с. 2]. Статья печаталась с редакционным приглашением к ее обсуждению и вызвала живой отклик в местной печати. 4 февраля в разделе «На темы дня (Из статей, поступивших в редакцию)» печатается небольшой обзор читательских предложений с мест: «Вопрос об использовании Дона и его притоков как дешевого водного пути, поднятый А. Платоновым в № 8 «Тамбовской правды» и затрагивающий экономические интересы ряда губерний, вызвал ряд откликов. «В условиях нашей Тамбовской губернии, – пишет т. Д. Б., – приходится говорить об улучшении судоходных условий рек Дона и Воронежа в Липецком уезде. На территории этого уезда и по соседству с ним, на берегах Воронежа или близко от них, расположен ряд крупных заводов – «Свободный Сокол», Грязинский

известковый завод, Мариупольский винокуренный, Боринский и Рамоньский сахарные заводы. Для всех этих заводов судоходная река Воронеж принесет несомненно громадные выгоды». Развивая и дальше свои соображения о тех хозяйствах, торговых и промышленных выгодах, которые сулит превращение Воронежа и Дона в доступные для судов реки, тов. Д. Б. не упускает из виду и то обстоятельство, что для осуществления этого проекта нужна колоссальная работа и большие денежные затраты, т. к. Дон и Воронеж в пределах Липецкого уезда сильно засорены, обмелели и заболочены» [16, с. 4]. Внимательно прочитал статью А.П. Платонова и краевед П. Черменский, до того посвятивший в своей книге «Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии» несколько страниц истории судоходства на реках Тамбовской губернии [17, с. 72-75]. Его статья «Соединение четырех морей (О Волго-Донском канале)» носила во многом юбилейный характер (200-летие истории проектов канала) и была выполнена в несколько патетической интонации: «...старый вопрос о Волго-Доне стал на путь практического осуществления. <...> После сооружения Волго-Донского канала в плане работ второй очереди стоит исправление и усовершенствование подъездных водных путей по Нижней Волге для подвоза нефти и персидских товаров через Каспийское море и по Среднему Дону до Лисок и для подвоза хлеба из Ц.-Черноземной области. Наконец, в перспективном плане третьей очереди может стать задача исправления течения некогда судоходных рек: Донца, Хопра и Верхнего Дона до г. Лебедяни Тамбовской губ. Тогда оживет весь донской край, и его хозяйство получит мощный толчок для своего дальнейшего развития. Проблема Волго-Дона шире ее местного значения. Волго-Донской канал соединит непрерывным водным путем все моря, омывающие Европейскую часть нашего Союза» [18, с. 2]. Эта дискуссия не только бросает свет современности на разворачивающиеся в исторической повести драматические события, но и комментирует проекты строительства каналов в современной повести – в «Городе Градове».

К 25 января работа над исторической повестью была завершена. После фантастической и исторической повести А.П. Платонов

вновь обращается к текущей современности и пишет рассказы. В начале марта создается «Город Градов (Заметки командированного)», небольшой рассказ, который в течение месяца будет превращен им в повесть, являющуюся полновесной энциклопедией современных проектов преобразования русской жизни и культурной революции. Эта энциклопедия включает широкий круг местных тамбовских реалий и самых жгучих политических и экономических вопросов начала 1927 г., которые звучали на проходивших в январе по всей стране партийных конференциях, в выступлениях лидеров партии и оппозиции и с которыми напрямую связано высказывание партии по вопросам русской литературы («Злые заметки» Н. Бухарина, опубликованные 12 января в газете «Правда»). На материале жизни губернского города Градова А.П. Платонов предложил собственный социально-политический анализ исторических и современных проектов модернизации русской жизни. Повесть «Город Градов» и сатирические произведения 1927 г., явившие платоновский «синтез фантастики с бытом» [19, с. 78], открывают направление сатиры А.П. Платонова, вплоть до знаменитой повести «Впрок (Бедняцкая хроника)» (1931). Это – социальная сатира и одновременно сатира самокритическая.

В Тамбове рождаются замыслы большого романа о Пугачеве, повести о детстве, любовной эпистолярной повести, фантастических рассказов и философских эссе. В каждом из произведений он брал содержание из новой сферы жизни и последовательно искал новые формы художественного воплощения. И еще – почти каждый день, а точнее, ночь, когда он только и мог работать, А.П. Платонов откладывал рукопись и писал пронзительные письма жене в Москву. Письма проливают особый свет на обостренные духовные поиски героев его повестей и рассказов 1927 г., входят важной лирической составляющей в эстетику писателя. Личные темы из писем переходят в творчество, где расширяют границы индивидуального и кристаллизуются в тему едва ли не главной национальной и общекультурной трагедии XX в. – разрушения дома в новом веке и сиротства человека. Это главная тема его писем к жене и глубинная тема творчества: «Единственное утешение для меня – это писать тебе письма и кончать «Эфирный тракт». В ГЗУ – отвратительно. Вот когда я оставлен наедине со

своей собственной душой и старыми мучительными мыслями. Но я знаю, что все, что есть хорошего и бесценного (литература, любовь и искренняя идея), все это вырастает на основании страдания и одиночества. Поэтому я не ропщу на свою комнату – тюремную камеру – и на душевную безотрадность. Иногда мне кажется, что у меня нет общественного будущего, а есть будущее, ценное только для меня одного. И все же бессмысленно тяжело – нет никаких горизонтов, одна сухая трудная работа, длинный и глухой «Тамбов». Я не ною, Мария, а облегчаю себя посредством этого письма. Что же мне делать?» (письмо от 11 декабря 1926 г.) [1, с. 173]. В письмах А.П. Платонов проговаривает потаенные вопросы самоопределения на литературном поприще, рефлектирует о творчестве и собственной писательской судьбе: «Пока во мне сердце, мозг и эта темная воля творчества – «муза» мне не изменит. С ней мы действительно – одно. Она – это мой пол в душе» (письмо от 5–6 января 1927 г.) [1, с. 188]. В тамбовских письмах впервые кристаллизуется тема литературы и русской провинции, той глубинки, куда отправятся вскоре из «верховного руководящего города» («Впрок») его герои, «душевные бедняки»: «Поездка моя по уездам была тяжела. В Козлове я ночевал на вокзале. <...> и спал с безработными в III классе. Я узнал много жестокого и нового от безработных. <...> Жизнь тяжелее, чем можно выдумать, теплая крошка моя. Скитаясь по захолустьям, я увидел такие грустные вещи, что не верил, что где-то существует роскошная Москва, искусство и прочее. Но мне кажется – настоящее искусство, настоящая мысль только и могут рождаться в таком захолустье, а не в блестящей, но поверхностной Москве» [1, с. 214-215]. Это написано 13 февраля, сразу после возвращения из десятидневной командировки в Козловский и Кирсановский уезды.

Письма к любимой жене открыли и главного литературного «спутника» А.П. Платонова этого тамбовского периода – А.С. Пушкина. В написанной перед отъездом в Тамбов статье «Фабрика литературы» А.С. Пушкин возглавляет у А.П. Платонова авторитетный ряд русских и зарубежных писателей, работающих с реальными документами описываемой им эпохи (А.С. Пушкин-архивист и создатель исторической повести). Тамбов в письмах к Марии Александровне, как и Болдино в письмах А.С. Пушкина к Наталье Ни-

колаевне, выглядит сколь реалистической, столь символической тюрьмой, в которой, с одной стороны, переживается двойственность положения, неуверенность в возможности счастья и брака, с другой – именно здесь совершается прорыв в творчестве. Пушкинская тема невольного «заточения» и разлуки с любимой развивается в письмах и прозе А.П. Платонова не без прямой оглядки на письма А.С. Пушкина. Те же, что у А.С. Пушкина, темы: безумная ревность, мольба о любви, безденежье, долги, «судбины гнев», тоска, окружение, литературное одиночество, литературная слава, физическая смерть, «рынок», невозможность вырваться, страх утраты любимой, отход от столичных литературных тем... И преодоление непреодолимого в одной лишь сфере – в творчестве. Любимая пушкинская характеристика написанного в изгнании – «Я, душа моя, написал пропасть полемических статей...» (письмо А. Дельвигу, 4 ноября 1830) – появляется и у А.П. Платонова: «Я такую пропасть пишу, что у меня сейчас трясется рука» (письмо от 30 января 1927) [1, с. 207; 20, с. 314]. Через образ пушкинского «вшивого рынка» – «Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок» (письмо Н. Погодину, 7 апреля 1834) – формулируется установка А.П. Платонова на создание романа о Пугачеве (еще одна аллюзия к А.С. Пушкину, который писал «Историю пугачевского бунта» – «для себя»): «Я хочу в Пугачеве работать для себя, а не для рынка [20, с. 470]. Будь он проклят!» (письмо от 28 января 1927 г.) [1, с. 204]. К формальному «эксперименту», занимающему большое место в исканиях А.П. Платонова 1926–1927 гг., писатель добавит понятие из пушкинской традиции творчества как «священной жертвы» («Поэт», 1827): «Вообще, настоящий писатель – это жертва и экспериментатор в одном лице. Но не нарочно это делается, а само собой так получается» [1, с. 228] (письмо от 3 июля 1927 г.). В этой математически краткой формуле можно прочесть платоновский ответ на идущие от 1910-х гг. споры вокруг пушкинского исповедания отделения себя-человека от себя-поэта, принудительного молчания в творчестве о некоторых сторонах своей души (В. Брюсов. «Священная жертва», 1905), а также ставшую одним из собы-

тий литературной жизни начала 1920-х г. полемику между поэтом В. Ходасевичем и формалистами о феномене А.С. Пушкина, сути искусства, отношениях между поэтом и человеком, творчеством и личностью, эстетикой и этикой. Если формалисты настаивали на разграничении жизни и творчества А.С. Пушкина, предлагали посмотреть на открытия А.С. Пушкина и историю русской литературы как на смену литературных форм, а на биографический материал как на один из элементов формального эксперимента, то Ходасевич (и не только он) настаивал на бесценности пушкинского понимания отношений жизни и искусства, «правдивости», «точности», «насквозь» автобиографичности его лирики, а формалистское «отсечение формы от содержания и главенство формы» определяли как «писаревщину наизнанку» [21, с. 118-119; 22, с. 82]. Пушкинская тема безусловной откровенности («искренности») автора в открытой исповеди и сокровенности в «хладнокровной прозе» (письмо П. Вяземскому, 1825) диктует А.П. Платонову: «Смешивать меня с моими сочинениями – явное помешательство [20, с. 190]. Истинного себя я еще никогда и никому не показывал, и едва ли когда покажу. Этому есть много серьезных причин, а главная, – что я никому не нужен по-настоящему» (письмо от 25 января 1927) [1, с. 200]. А.С. Пушкин помогает в кристаллизации темы верной музы, посещающей поэта только в уединении. Через путь А.С. Пушкина и с пушкинскими смыслами оформляется в письмах, рассказах и повестях 1927 г. сюжет литературного центра и русской провинции как едва ли не главный в творчестве А.П. Платонова со времени тамбовской ссылки и до конца жизни писателя. На одном полюсе оказываются собственная и массовая неустроенная жизнь, на другом – «блестящая, но поверхностная Москва» (письмо от 13 февраля 1927 г.).

Высокую эстетику уездной жизни открывают «Епифанские шлюзы» и «Город Градов» – пушкинские по своей эстетической доминанте произведения, написанные в Тамбове. Если художественная идеология исторической повести у А.П. Платонова ориентирована на главный петербургский текст А.С. Пушкина («Медный вадник»), то современный «Город Градов» – на «Историю села Горюхина», из которой залетели в Гра-

дов некоторые образы и детали: пушкинские «темные предания», «вольные хлебопашцы», «ужасный пожар», изготовленные детьми из летописей змеи (в Градове – из газет) и т. п. [23, с. 183, 186, 191]. Очевидно, что и градовский сюжет с отрывными листками календаря, на которых «граждане метили свои непрерывные обязанности», в его предметно-реалистическом плане (источником «фактов» являются разделы «Официальный отдел» и «Тамбовский день» главной губернской газеты) вдохновлен пушкинской поэтикой записей на старых календарях, представляющих «полную историю моей отчизны в течение почти целого столетия в самом строгом хронологическом порядке» [23, с. 183]. Пусть и не в таком масштабе, но в «художествах» записей градовцев прочитывается живая история России новейшего времени. Примечательно, что аналогичные детали-образы взяты А.П. Платоновым из того источника, через который обретает пушкинский рассказчик выход из жизненного и эстетического тупика. Это – низовая русская жизнь, открытая «нечаянным случаем» («нечаянно» – одно из любимых в словаре А.П. Платонова). В статьях о А.С. Пушкине 1937 г. А.П. Платонов подведет итог добытому им опыту спасения через А.С. Пушкина и с А.С. Пушкиным, а интерпретацию произведений А.С. Пушкина наполнит контекстом собственного творчества и собственного писательского и жизненного пути. «Как бы невзначай, непреднамеренно он [Пушкин] начинает великую русскую прозу XIX и XX века» – это о повороте в жизни и творчестве А.С. Пушкина, связанном с Болдинским периодом, и, можно сказать, о «Болдинской осени» самого А.П. Платонова 1926–1927 гг. – тамбовском периоде жизни и творчества [24, с. 78]. Открытие этого периода творчества писателя нам еще только предстает во всей сложности отношений реальности и вымысла как в «Городе Градове», так и в «Чевенгуре», вобравшем в себя не только материал воронежского периода жизни писателя, но и тамбовского.

1. Платонов А. «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. / сост., вступ. статья, коммент. Н. Корниенко и др. М., 2013.
2. Ходякова Г.И. «Возможно, что меня здесь sloпают...» (О пребывании А. Платонова в

- Тамбове) // Русская провинция: записки краеведов. Воронеж, 1992. С. 164–168.
3. Протокол заседания Земплана при Тамбовском ГЗУ от 5 ноября 1926 г. // Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Р-946. Оп. 1. Ед. хр. 4792. Л. 2- 6.
 4. [Личное дело А.Я. Барабанова] // ГАТО. Р-946. Оп. 2. Ед. хр. 2049.
 5. Доклад тов. Рубцова // Тамбовская правда. 1926. 11 декабря.
 6. А. Т. Вопросы зарплаты мелиораторов // Землеустроитель. 1927.
 7. Губернское совещание специалистов сельского хозяйства // Тамбовская правда. 1926. 21 декабря.
 8. Платонов А. О дешевом водном пути Черноземного края (В порядке обсуждения) // Тамбовская правда. 1927. 12 января.
 9. Платонов А. Значение торфа, как топлива, для Тамбовской губернии // Тамбовская правда. 1927. 29 января.
 10. Спрос и предложение труда // Землеустроитель. 1927. № 3.
 11. Андрей Платонов. Личное дело. Научно-популярное издание. Воронеж, 2013.
 12. Переписка ГЗУ // ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 2. Ед. хр. 1491. Л. 69-83.
 13. [Личное дело А. П. Платонова] // ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 2. Ед. хр. 3586.
 14. Лангерак Т. Андрей Платонов. Материалы для биографии 1899–1929 гг. Амстердам, 1995.
 15. Николаев Д.Д. Русская проза 1920–1930-х годов. Авантюрная, фантастическая и историческая проза. М., 2006.
 16. Т-ский. О водном пути черноземного края // Тамбовская правда. 1927. 4 февраля.
 17. Черменский П.Н. Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии. Тамбов, 1926. Вып. 1.
 18. Черменский П. Соединение четырех морей (О Волго-Донском канале) // Тамбовская правда. 27 февраля.
 19. Замятин Е. О синтетизме 1922 // Замятин Е. Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания / сост. и коммент. А.Ю. Галушкина. М., 1999. С. 74–81.
 20. Пушкин А.С. Письма // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М., 1951. Т. 10.
 21. Ходасевич В. О чтении Пушкина (К 125-летию со дня рождения) [1924] // Ходасевич В. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 114–120.
 22. Ходасевич В. Колеблемый треножник [1921] // Ходасевич В. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 77–85.
 23. Пушкин А.С. История села Горюхина // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М., 1950. Т. 6.

24. *Платонов А.* Пушкин – наш товарищ // Платонов А. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика. М., 2011. С. 69-83.

1. *Platonov A.* "...ya prozhil zhizn": Pis'ma. 1920–1950 gg. / sost., vstup. stat'ya, komment. N. Kornienko i dr. M., 2013.
2. *Khodyakova G.I.* "Vozmozhno, chto menya zdes' slopayut..." (O prebyvanii A. Platonova v Tambove) // *Russkaya provintsiya: zapiski kraevedov.* Voronezh, 1992. S. 164-168.
3. Protokol zasedaniya Zemplana pri Tambovskom GZU ot 5 noyabrya 1926 g. // *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti (GATO).* R-946. Op. 1. Ed. khr. 4792. L. 2- 6.
4. [Lichnoe delo A.Ya. Barabanova] // *GATO.* R-946. Op. 2. Ed. khr. 2049.
5. Doklad tov. Rubtsova // *Tambovskaya pravda.* 1926. 11 dekabrya.
6. *A. T.* Voprosy zarplaty melioratorov // *Zemleustroitel'.* 1927.
7. Gubernskoe soveshchanie spetsialistov sel'skogo khozyaystva // *Tambovskaya pravda.* 1926. 21 dekabrya.
8. *Platonov A.* O deshevom vodnom puti Chernozemnogo kraya (V poryadke obsuzhdeniya) // *Tambovskaya pravda.* 1927. 12 yanvarya.
9. *Platonov A.* Znachenie torfa, kak topliva, dlya Tambovskoy gubernii // *Tambovskaya pravda.* 1927. 29 yanvarya.
10. Spros i predlozhenie truda // *Zemleustroitel'.* 1927. № 3.
11. *Andrey Platonov.* Lichnoe delo. Nauchno-populyarnoe izdanie. Voronezh, 2013.
12. *Perepiska GZU // GATO.* F. R-946. Op. 2. Ed. khr. 1491. L. 69-83.
13. [Lichnoe delo A. P. Platonova] // *GATO.* F. R-946. Op. 2. Ed. khr. 3586.
14. *Langerak T.* Andrey Platonov. Materialy dlya biografii 1899–1929 gg. Amsterdam, 1995.
15. *Nikolaev D.D.* Russkaya proza 1920–1930-kh godov. Avantyrnaya, fantasticheskaya i istoricheskaya proza. M., 2006.
16. *T-skiy.* O vodnom puti chernozemnogo kraya // *Tambovskaya pravda.* 1927. 4 fevralya.
17. *Chermenskiy P.N.* Kul'turno-istoricheskiy ocherk Tambovskoy gubernii. Tambov, 1926. Vyp. 1.
18. *Chermenskiy P.* Soedinenie chetyrekh morey (O Volgo-Donskom kanale) // *Tambovskaya pravda.* 27 fevralya.
19. *Zamyatin E.* O sintetizme 1922 // *Zamyatin E.* Ya boyus': Literaturnaya kritika. Publitsistika. Vospominaniya / sost. i komment. A.Yu. Galushkina. M., 1999. S. 74-81.
20. *Pushkin A.S.* Pis'ma // *Pushkin A.S.* Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t. M., 1951. T. 10.
21. *Khodasevich V.* O chtenii Pushkina (K 125-letiyu so dnya rozhdeniya) [1924] // *Khodasevich V.* Sobranie sochineniy: v 4 t. M., 1996. T. 2. C. 114-120.
22. *Khodasevich V.* Koleblemy trenozhnik [1921] // *Khodasevich V.* Sobranie sochineniy: v 4 t. M., 1996. T. 2. C. 77-85.
23. *Pushkin A.S.* Istoriya sela Goryukhina // *Pushkin A.S.* Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t. M., 1950. T. 6.
24. *Platonov A.* Pushkin – nash tovarishch // *Platonov A.* Fabrika literatury: Literaturnaya kritika, publitsistika. M., 2011. S. 69-83.

Поступила в редакцию 11.03.2015 г.

UDC 821.161.1

"BOLDINO SPRING" OF A. PLATONOV: TAMBOV IN LIFE AND WORKS OF THE WRITER

Nataya Vasilyevna KORNIENKO, Gorky Institute of World Literature of RAS, Moscow, Russian Federation, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philology, Professor, Head of Newest Russian Literature and Literature of Russian Foreign Countries Department, e-mail: natalakornienko@yandex.ru

This is devoted to Tambov period of life and work of A.P. Platonova: new archive data are introduced, clearing up the circumstances of four month "mission" of A.P. Platonov in Tambov, relations with engineers of Province earth office, with local trade unions instances. For the first time were presented materials of discussion, which caused the article of A.P. Platonov "About cheap water transport of Chernozem land", published on the pages of "Tambovskaya Pravda". Was proved that this discussion does not only illustrate the work on historic story "Epiphanskie locks", but also becomes the subject of reflection in "Gorod Gradov". Pointing at Pushkin implications of letters of A.P. Platonov from Tambov, was proved, that esthetics of works, written by A.P. Platonov in Tambov, was oriented on Pushkin text of Boldino period.

Key words: A.P. Platonov; Tambov; service; A.S. Pushkin; Province earth office; people's commissariat of agriculture; poetics; biography; stories; letters.